

**Янусов лик глобализации:  
размышления культуролога**

*С визгом, скрипом, визгом опускается над историей*

*Железный занавес.*

*– Представление окончилось.*

*Публика встала.*

*– Пора одевать шубы и возвращаться домой.*

*Оглянулись.*

*Но ни шуб, ни домов не оказалось.*

(Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени.–

М.: Республика, 2001. – С.45.)

Волею судеб, реальное (а не рекламно-праздничное) третье тысячелетие началось не под пышные фейерверки и тосты, а под грохот рушащихся башен ВТЦ, возвестивший о победе эпохи *пост*-явлений, многочисленной череды феноменов. Их радикальная новизна заставляет исследователей клишировать наименования (*постистория, постмодернизм, постэкономика, постхристианство...*).

На глазах зачарованного невиданным зрелищем мира *количество* в очередной раз победоносно перетекло в *качество*: исподволь копившиеся, с тревожным недоумением наблюдавшиеся многочисленные структурные "подвижки" вдруг, словно сбросив маску, явили себя в виде некоей связной совокупности встающего из пламени пожарищ и клубов известковой пыли смутного абриса новейшей системы мироустройства.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что в XXI век человечество вступает под знаком глобализации. На наших глазах стремительно возрастает масштаб интернационализации мирохозяйственной, общественно-политической, культурной деятельности; невиданными темпами увеличивается стандартизация производства и потребления во всех сферах – от медицины и педагогики до туризма и досуга; радикальные перемены происходят в мировоззренческом строе, личной и общественной психологии людей.

Несмотря на триумфальный напор многоликой глобализации (финансовой, военно-политической, информационно-технологической), все отчетливее становится недостаточность адекватного осмысления этого процесса. Перед исследователем стоят чисто методологические проблемы. Как в мире посткультуры, постэкономики, постполитики говорить о культурных моделях и политической стратегии? С помощью каких концептов и идеологем рискнуть наметить очертания новейшей модели мироустройства, уже не таинственной незнакомки, как бы исподволь обживающей привычные нам ландшафты, но на наших глазах становящейся их властной госпожой? Иными словами, как в условиях цивилизационного коллапса, в ситуации всеобъемлющей девальвации основных смыслов, сплошь и рядом означающих сейчас совсем не то, что еще недавно под ними подразумевалось, вести речь о том, что происходит? На языке каких понятий? В какой системе координат?

**1. Культурно-антропологические параметры  
современных процессов глобализации**

*Такой по столетию*

*Ветер гудит,*

*Что косит чужих*

*И своих не щадит.*

В череде зафиксированных историей масштабных моделей коллективного обустройства человечества (от моноэтнических империй древности, земных проекций "града Божьего" в средневековых "священных" империях, новоевропейских сверхгосударств – ансамблей малых и больших народов, до военно-политических блоков эпохи "холодной войны") современный глобализм являет собой нечто небывалое. Вряд ли он имеет что общее с гуманной "вселенскостью" греческой или христианской "ойкумены"; с высоким идеалом соборности – кафоличности (при всех цивилизационно-стилистических различиях между православием и католичеством), с парадной риторикой триумфальной всенародности форумов ООН. Это, так сказать, "дневной поток" истории, творимой гласно и публично, с "открытым забралом" рациональной аргументации, прозрачностью целей и методов действия, потенциально безграничным членством в них всех желающих.

Концептуальная стилистика современного глобализма – фрагмента новой цивилизационной ситуации, сопряженной со становлением эпохи социального постмодерна – совершенно иная. Безусловно, кризис всего мировоззренческого корпуса Нового времени с его сциентизмом и прогрессизмом, идейно-идеологическими постулатами безграничности человеческого разума, допустимости любого общественного экспериментирования, тотального покорения Природы – крупномасштабное явление, оказавшее мощное и глубинное влияние на философское самосознание XX в.

Ведь все, наиболее характерные его представители формировались как мыслители в явной или скрытой оппозиции к утрачивающей влияние картине мира Декарта, Ньютона, Фрэнсиса Бэкона, Локка и Гельвеция. Такое "нащупывание своего лица", бывшее на протяжении всего XX в. делом философско-культурологического, научного и эстетического авангарда – достаточно назвать в этой связи столь, казалось бы, различные имена, как Хайдеггер и Ортега-и-Гассет, Эйнштейн и Бор, Шенберг и Кандинский – представляло собой все-таки явление *элитарное*, замкнутое в рамках "высокой культуры" и "чистой науки".

К рубежу XXI в. ситуация принципиально меняется: окончательно выявляется и становится достоянием *массового сознания* реальность краха как идеологии Нового времени, так и ориентированной на нее общественной и личной психологии. Решающими здесь стали (как это всегда бывает в случае массового сознания) аргументы не философского, а жизненного (или даже житейского) плана.

Основным откровением 1990-х гг. стало катастрофическое развержение (иначе, увы, не обозначишь) бездны социальной и личной нестабильности – пугающей реальности общественного хаоса, иррациональной жестокости терроризма, локальных военных конфликтов, эпидемии новых и старых болезней, природных и техногенных катастроф. Вследствие чего, как никогда раньше, неактуальными сделались проникнутые социальным оптимизмом технократические проекты созидания совершенного рационального общества на манер Новой Атлантиды сэра Фрэнсиса Бэкона, барона Веруламского. Складывается парадоксальная ситуация, когда один из уроков трагического, особенно для России, XX в., недоверие, временами перерастающее в фобию, к идеологическим системам, декларирующим примат общего блага, транспонированного в некое туманное будущее, над конкретными нуждами конкретных людей, привело к популяризации индивидуалистических стандартов жизнестроения, вызвав к жизни феномен косвенного, скрытого управления потребностями масс. *Омассовление индивидуализации* – одна из парадоксальных черт современной глобализации, этого новейшего модуса единения человечества, с ее акцентом на приоритете прав человека над национально-государственными и этноконфессиональными интересами.

Для того, чтобы выявить общекультурный смысл и цивилизационный потенциал происходящих видоизменений, необходимо суметь ответить на ряд сложнейших вопросов.

Затрагивает ли инвариантное ядро культуры абсолютизация рыночных механизмов в данной сфере – "визитная карточка" глобализации, вовлекающая во всемирный оборот лишь те продукты культуры, которые могут быть товаром? Возможна ли эффективная национальная культурная политика в эпоху глобализации, в первую очередь актуализирующей сверхмощный механизм коммерческой "посткультуры"? Каковы должны быть ее параметры и приоритеты? Какой в противовес деструктивной для культуры неолиберальной олигархической глобализации должна быть культурная программа глобализации альтернативной, демократической? Каков баланс участия в новой модели управления культурой таких институтов, как гражданское общество, государство, корпоративный капитал? Какую роль в сохранении гуманистического потенциала культуры в контексте интернационализации реальной (в первую очередь, финансовой и информационно-технологической власти) может сыграть такой орган мирового сообщества, как ЮНЕСКО?

Культурологический портрет современного глобализма целесообразнее всего начать с анализа данного явления в культурно-антропологическом и социокультурном ракурсах. Ареал поставленных проблем можно очертить так: Каков культурообразующий потенциал глобализма? Каковы его культурно-антропологические основания? В чем заключается его социокультурная феноменология? Каковы перспективы развития данного явления для социума и личности?

Как *культурно-идеологическое явление*, глобализм с его претензией на оптимизацию управления мировыми экономическими процессами, абсолютизацией рыночных отношений, манией всеобщего учета и контроля (от страстей человеческих до террористов и микробов) в едином Сверхкомпьютере – не что иное, как воспроизводство в расширенном масштабе прогрессистского мифа, рационалистической утопии всеобщего благоденствия и рукотворного счастья.

Чем собственно нов глобализм? Не идеологией (все тот же механистический рационализм с универалистской претензией все понять и все обустроить), не хищным своекорыстием его международной и внутренней социальной практики, но невиданным технологическим размахом, колоссальной финансовой мощью, впервые придавшими древнему демиургическому безумию вполне реальные очертания. Вряд ли можно спорить с тем, что современный глобализм – это складывающаяся на наших глазах изощренная идеология, негативные последствия применения которой, включая спровоцированный взрыв этноцентризма и религиозного фундаментализма, курс на социально-политическую дестабилизацию и экономическую демодернизацию стран "мировой периферии", едва ли можно в полной мере предсказать.

В наши дни весьма часто глобализм трактуется как проявление объективной исторической закономерности, требование научно-технического прогресса, глас финансово-технологической Немезиды (интересен в связи с этим популярный термин – *неизбежная глобализация* – [12]). Технологический детерминизм скорее факт выбора культуры, нежели исторический фатум. Весьма плодотворно, поэтому, проводимое рядом отечественных ученых различие внешней (объективизированной) и внутренней, субъективной сторон глобализации [4, 11].

Представим апологетам современной "цивилизации обмена" доказывать ее преимущества "*sub specie aeternitatis*" (под знаком вечности) в ранге незыблемых финансово-технологических закономерностей. Сверяя ход рассуждения с антропологическим (а не технологическим) императивом, невольно задаешься вопросом: Какой образ человека присущ постсовременному глобальному миру – миру транснациональных компаний, всеобщей стандартизации потребления и вездесущего Интернета? Какого рода культура как инструмент индивидуального и коллективного

жизнестроения порождает и санкционирует глобализацию мировой экономики, политики, искусства?

Безусловно, блистательные теоретики "массового общества" (Теодор Адорно, Хосе Ортега-и-Гассет, Мартин Хайдеггер, Макс Хоркхаймер), равно как и современные культурологи-постмодернисты (Артур Кроузер, Жан Бодрийяр, Грэг Оуэн) с достаточной ясностью описали процесс синхронного порождения децентрализованного "квантового" индивида, все более мозаично, "мультимедийно" воспринимающего мир, и хаотического деперсонализованного социума.

С точки зрения культуролога, антропологическое содержание современных процессов глобализации в большинстве своем адекватно расширенному воспроизводству феномена неподлинного бытия, передаваемого транскультурно и трансрегионально.

Не следует искать первопричину таких негативных черт глобализации, как рост числа финансовых спекуляций, коррумпированность национальных элит, повсеместное снижение образовательных стандартов и этических норм, в триумфальном шествии по миру массовой культуры, проникающей в отдаленнейшие уголки земного шара. И все же пристальному наблюдателю очевидна изоморфность процессов на макро- и микроуровнях антропологического универсума.

Со значительной долей приблизительности этот процесс может быть описан как становление качественно нового, противостоящего модерну, стиля мировосприятия и действия, который подобно кругам от брошенного в воду камня захватывает все более широкие пласты культуры, экономики, политики. Одно из перспективных положений современной культурологии – проведение концептуально-стилистических аналогий между постмодернизмом и отдельными проявлениями глобализма, переходящее в чрезвычайно плодотворную попытку разработки социокультурной и культурно-политической парадигмы постмодернизма.

Истолкование постмодернизма как социального явления может быть обнаружено уже у такого его классика, как Лиотар, в основном, правда, сводящееся к пониманию постмодернизма как нового всеобъемлющего концептуального стиля, знамения эпохи конца великих идеологических мифов<sup>1</sup>.

Еще в конце 80-х годов XX века Петер Козловски дал развернутое системное описание концептуальной матрицы постмодернизма, включая его социально-психологическое и экономическое измерения [26].

В последние годы понятие социального постмодерна активно разрабатывается в отечественной и зарубежной глобалистике, чему, безусловно, способствовали как рост плюрализма общественного сознания, так и общая иррационализация социума. Глобализм как "последовательное отстранение от всех местных интересов, норм и традиций" [11, с.6] легитимирует атрофию социального долга и морального пафоса. То есть вполне вписывается в постмодернистский горизонт, являясь практическим следствием национально-государственной десуверенизации, деиндивидуализации личности, деканонизации культуры. Глобализм возводит тягу к социокультурному плюрализму в ранг идеологической догмы, несоблюдение которой чревато применением карательных санкций вплоть до военных мер. Можно сказать, что грохот натовских бомбежек Югославии весной 1999 г. и американских – Ирака весной 2003 г. возвестил о стилистической зрелости постмодернизма, нарастившего идеологический кулак.

Польский ученый Казимеж Кшиштофек прекрасно тематизировал основные проблемные узлы развития культуры в эпоху глобализации, выделив следующие блоки: экспансия массовой культуры как орудия глобального управления, приватизация в сфере культуры, плюрализация культуры (пресловутый "мультикультурализм"), стандартизация культуры в ее парадоксальной взаимосвязи с ростом международного терроризма [28]. Остановимся подробнее на затронутой проблематике.

<sup>1</sup> "метарассказа" в терминологии французского мыслителя – [7].

Если культура, превратившаяся в эпоху постмодернизма в информационно-развлекательный Вавилон, скопище жанров, стилей, обрывков этнических традиций, перестала быть нормативной, каноничной (то есть ориентированной на гуманистический идеал совершенной личности, логика становления которой совпадала с логикой построения культуры), то какой же иной стержень приняла она в себя в качестве организующего? Все более очевидным становится то, что в основе массовой "паракультуры" – коммерческая, по сути, технология производства образов; "мифодизайн", паразитирующий на подсознании индивида: расовых, этнокультурных архетипах (особенно это заметно в рекламе и так называемых "клипах", этих наисовременнейших плодах постсовременной культуры, наиболее зримо являющих логику ее конструирования). "Паранормальность" такой культуры проявляется не только в том, что индивид в ней уже не субъект развития, а объект принуждения, но и в том, что, моделируя массовое "клиповое" сознание, она с невиданной технологической мощью производит квазиреальность и одновременно воспитывает почти наркотическую зависимость от потребления ее суррогатов.

Как свидетельствует Гиз Хамелинк (Gees Hamelink), президент Международной ассоциации изучения средств массовой коммуникации (International Association for Mass Communication Research): "Единообразный потребительский стиль жизни агрессивно проталкивается по всему миру. В наши дни попкультура – самый "горячий" американский товар на экспорт. Кинокартины, музыка, программы для телевидения и домашнего видео создаются сейчас в США, принося в рамках отрасли свыше 8 млрд. долларов. "Чемпионы продаж" – Микки Маус, Мадонна, Майкл Джексон, бургеры Макдональдса, джинсы Льюиса и кока-кола. За прошедшие 5 лет текущий доход студий Голливуда удвоился. Доля музыкальной индустрии США оценивается приблизительно в 20 млрд. долларов. 70% этой прибыли оседает в США" [25, с.20-21].

Изменение статуса культуры следующим образом комментирует итальянский исследователь Дж.Кьезе: "В XIX веке и до последней четверти XX века культура считалась синонимом культуры и прогресса как индивидуума, так и общества. Сегодня же культура превратилась просто в одну из сфер экономики и средство извлечения прибыли. Культура изменила свое имя – теперь ее зовут информация" [6, с.258]. С социально-антропологической точки зрения, трактующей культуру как универсальный инструмент жизнеобеспечения, присущий всем человеческим сообществам, такая тенденция развития культуры выглядит весьма проблематичной.

Представляется важным акцентировать внимание на следующих негативных аспектах коммерциализации производства культуры: тенденции к приватизации общекультурного национального наследия (от захвата частным сектором объектов культуры до внедрения в общественное сознание рыночной модели культурного производства); участившихся случаях блокирования спонтанного культурного развития (включая и научные разработки) неуклонно расширяющимися правами на интеллектуальную собственность; и, наконец, на непредсказуемом росте социальных издержек становящегося нормой товарного статуса культуры. Чем агрессивнее в глобализующемся мире внедряются модели престижного потребления, "запускаемые", в первую очередь, через механизм рекламы, тем более массовым становится феномен вынужденного аутсайдера со стороны тех, кто не может (или не хочет) участвовать в кругообороте идеологически маркированной символической продукции. Иными словами, при всей своей рафинированности сеть глобализации слишком крупна, чтобы охватить и неимущих. Чем больше упорствует общество потребления в мании признавать существующим лишь то, что имеет статус товара, тем глубже раскалывает его трещина маргинализации. На поверхность выходит колоссальный спектр деструктивных явлений – от молодежных бунтов, волнений на расово-этнической почве, становящейся нормой наркомании, до таких эксцессов больного социального воображения как культ насилия и секса, пронизывающий массовую культуру.

Для наших современников, пленников больших городов, зачастую лишенных четких мировоззренческих критериев, информационная среда, вездесущая и всесильная, становится непосредственным жизненным миром; иллюзией, смоделированной по канонам жизнеподобия. Нерефлексирующее сознание рядового индивида, человека толпы, *мультимедийно* программируется "от молодых ногтей" и естественно воспринимает "пятую власть" как первую и основную. Современные же технотронно-магические СМИ с их фантастическим потенциалом информационно-зрелищных технологий – эти "фабрики мнений", свободно конструирующие реальность, по своему произволу придающие событию статус бытия или небытия – словом, эти демиурги современного мира по причинам как прагматически финансового, так и метафизического характера<sup>2</sup> пропагандируют именно неолиберальное, единое для всего "цивилизованного человечества" мировоззрение.

Необходимо в полной мере осознать особую важность, приоритетность социокультурных факторов в нынешнем глобальном переустройстве человечества. В роковой нацеленности "новых буржуа" (доминирующей прослойки современного "бессословного" общества) воспринимать гипнотическую телекультуру как истину в последней инстанции<sup>3</sup>, – сокрыт тот кончик нити Ариадны, потянув за который можно размотать весь клубок многослойного конструирования "новой реальности" постмодернизма в культуре, экономике, политике.

Человеческая природа не выносит тирании технико-экономической гиперрациональности, отвечая иррациональным бунтом страстей, для удовлетворения которых в обществе служит налаженная система "масскульта", обслуживающая большое социальное воображение (триллеры, боевики, душещипательные сериалы, криминальные романы). Однако виртуальный постмодерн культуры не в силах полностью компенсировать давление на психику индивида, организуемое виртуальной паразитоэкономикой. К тому же есть еще на земле отдельные анклавы культурно-политической и национально-государственной суверенности, куда не пришли еще, образно говоря, ни Диснейленд, ни Макдональдс. Вряд ли случайным следует признать тот факт, что именно военный режим талибов в Афганистане как квазифундаменталистское парapolитическое образование оказался, независимо от его генезиса, связанным в мировом общественном мнении с террористической акцией 11 сентября. Не менее знаменательно то, что едва не первой акцией нового проамериканского правительства этой многострадальной страны было восстановление телевидения, реанимация сети кинотеатров и дискотек, организация шоу местных джазистов, то есть в очередной раз массовая культура была выдвинута на идеологическую передовую в качестве боевого слона как испытанное средство социально-идеологического урегулирования. Иными словами, оказалось, что агрессивная парайдеология псевдомусульманского "джихада"<sup>4</sup> и коммерческая попкультура, пропитанная сексом и насилием, играют, так сказать, на одном поле, вытесняя друг друга едва ли не по рецептам авангардных зрелищных технологий, где игра актеров плавно перетекает в продуцирование цифровых субститутсов жизненного мира. В основе столь поразительного стилистического единства феноменов парapolитики и паракультуры – глубинная инверсия социального бессознательного, превращающая культуру из средства саморазвития индивида в орудие его самонаказания.

<sup>2</sup> Имеется в виду впервые отмеченная Маршаллом Мак-Люэном содержательность формальных параметров организации информации, объясняющая, почему СМИ как продукт авангардных зрелищных технологий с такой легкостью входит в орбиту единой технократической власти.

<sup>3</sup> Афористически четко выразил этот процесс Артур Кроузер, блистательный социолог культуры из Канады: "Классы исчезают в массы, а масса – в новой "черной дыре" экрана" [27, p.269].

<sup>4</sup> Достаточно вспомнить потрясшее мир варварское уничтожение талибами статуй Будды – памятников мирового значения.

## 2. Мультикультурализм – этнокультурный компонент глобализма

Живописуя победу грядущего мирового порядка (то есть пресловутого "золотого миллиарда"), сопряженный с бесконечным прогрессом микроэлектроники рукотворный рай для счастливых обитателей мировых столиц, основанный на жесточайшей эксплуатации природных и людских ресурсов периферий, видный идеолог неоглобализма Жак Аттали в футурологическом эссе "На пороге нового тысячелетия" [1, с.18-19] писал:

«Покончив с любой национальной "привязкой", порвав семейные узы, заменив все это миниатюрными микропроцессами, которые предоставляют людям возможность решать многие проблемы, связанные с сохранением здоровья, образованием и личной безопасностью, такие граждане – потребители из привилегированных регионов мира превратятся в "богатых номадов". Они смогут принимать участие в освоении либеральной рыночной культуры, руководствуясь при этом своим политическим или экономическим выбором, они будут странствовать по планете в поисках путей использования свободного времени, покупать информацию, приобретать за деньги острые ощущения и такие товары, которые только они могут себе позволить, хотя и будут испытывать тягу к человеческому участию, тоску по уютной домашней обстановке и сообществу людей – тем ценностям, которые прекратили свое существование, так как их функции устарели. Подобно жителям Нью-Йорка, которым ежедневно приходится сталкиваться с бездомными бродягами, слоняющимися у банков-автоматов и выклянчивающими у прохожих мелочь, такие состоятельные странники повсюду будут сталкиваться с мириадами "бедных кочевников" – этих хватающихся за соломинки в планетарном масштабе людей, которые бегут прочь от испытывающей нужду периферии, где по-прежнему будет жить большая часть населения Земли. Эти обнищавшие парии будут курсировать по планете в поисках пропитания и крова над головой, их желания станут еще острее и навязчивее благодаря созерцанию роскошных и соблазнительных картин безудержного потребления, которые они увидят на экранах телевизоров и спутниковых передачах из Парижа, Лос-Анджелеса или Токио. В тщетной попытке перейти, по выражению Элвина Тоффлера, от замедленного к ускоренному миру, им придется вести жизнь живых мертвецов».

Вряд ли стоило бы уделять внимание футурологическим фантазиям красноречивого банкира, если бы не удивительное их соответствие некоторым весьма влиятельным геополитическим проектам, вроде бы не отклоняющимся от логики технологического прогресса. Именно в этом направлении влечет человечество "культура выбора", совмещенная с логикой рынка" [1, с.119], по чеканной формуле Ж.Аттали, "культура выбора, на которой основывается западный потребительский консенсус" [1, с.29].

В самом деле, если взглянуть на культурно-политический ландшафт современности суммарно, нельзя не признать сферу этнического областью повышенного риска, так сказать, сейсмически опасной зоной, где буколические пейзажи мирного созидательного труда внезапно превращаются в арену глобальных социально-политических потрясений, взрывов и извержений. Отечественные и зарубежные исследователи обращали уже внимание на то, что набирающая обороты тенденция к автономизации культур, объявление культурного плюрализма (вкуче с правами человека) приоритетными идеологическими догмами глобальной культурной политики прокладывают путь к распространению единообразной рыночной культуры потребительского общества

В контексте современной культурной политики выдвигаемое сепаратистами требование повысить уровень этничности культуры (через расширение прав субкультур, децентрализацию и регионализацию управления культурой) объективно ведет к расшатыванию механизмов самоконтроля личности, ослаблению принципов нормативной этики и государственной власти, делегитимации высоких стандартов культурной классики. В глобальной системе массовой "паракультуры" эксплуатация этнического начала в человеке становится столь же обыденно-патологическим явлением, как и эксплуатация его биологического пола. Отражаясь в кривом зеркале неокOLONиальной олигархической глобализации, реальное разнообразие этнокультурных традиций, некогда канонизированное ЮНЕСКО под названием пресловутого *мультикультурализма*, претерпевает, казалось бы, небольшое, но роковое по последствиям видоизменение.

Вступая в пространство глобального культурного рынка, местные традиции (или их наиболее товарные фрагменты) утрачивают автономию, перестают быть очагами эндогенного культурного развития, становятся частями потребительски ориентированной посткультуры, успешно извлекающей коммерческий эффект в том числе и из своей "многокультурности".

В этом – весь эффект: вместо живого леса множества культур единообразный ландшафт глобального рыночного мультикультурализма с недвусмысленным американским акцентом, транслируемого *urbi et orbi*, то есть вполне транскультурно и трансрегионально.

Специалист в области международных культурных контактов, Казимеж Кшиштофек приходит, по сути дела, к неутешительному для культурной стратегии ЮНЕСКО выводу: в отличие от массы проектов международного культурного сотрудничества, в полной мере успешной оказалась лишь коммерческая глобализация культуры. Плоды же ее – весьма амбивалентны: расцвет культурного туризма, вхождение местных культурных традиций в общий культурный оборот, достигаемое – увы – ценой их деконтекстуализации и дефрагментации. Входя в орбиту интернациональной потребительской культуры, национальные культуры (сводимые к куцему "джентльменскому набору": кухня, сувениры, фольклор) радикально деперсонализируются, теряя субстанциональное качество стратегии жизнестроения индивида, и денационализируются, переставая быть звеном трансляции культурного наследия, то есть как культуры умирают. Похоже, что наряду с гибелью природных систем (*экоцид*), деформацией таких естественноисторических образований, как язык (*вербицид*), к мрачному перечню жертв хищнической глобализации следует отнести и культуру (*культуроцид*).

Неолиберальная олигархическая "глобализация, – пишет российский аналитик, – в отличие от христианского универсализма и наследовавшего ему секулярного гуманизма, весьма далека от планов братского единения народов, мирового гражданства и объединения наций в глобальное гражданское общество, но выступает как энергичная глобальная стратегия. Глобальная не потому, что все земляне являются ее участниками, но поскольку ее объект – вся планета". И дальше: "Мировая элита фактически делает ставку на глобальную (тотальную) финансово-правовую регуляцию мира, именно в этом процессе видя центральный нерв постиндустриального производства. Речь, в частности, о создании устойчивой и изощренной системы геоэкономических рентных платежей или, иначе говоря, долгосрочного планирования масштабного перераспределения ресурсов и мирового дохода в качестве основных источников системной прибыли (сверхдоходов)" – [28, с.13].

Согласно неолиберальной концепции, гомогенизация культурных потребностей в глобальном масштабе – радикальное превентивное средство профилактики религиозно-этнического экстремизма, искоренения пресловутого "джихада". Ход подобных рассуждений несколько саркастически резюмирует Кшиштофек: "Транснациональным корпорациям нужны люди гибкие, готовые к "пересадке", не ограниченные лояльностью к своей нации. Если люди предсказуемы, это облегчает бизнес в многокультурном мире...Томас Фридман (Thomas Friedman) отмечает, что страны, где процветает Макдональдс, не ведут между собой войн [24]. Игнасио Рамонет (Ignacio Ramonet) замечает иронически, что наилучшее решение – оснастить население Макдональдсами и Диснейлендами" – [29, p.156].

В социологии все шире применяется понятие "системного терроризма", в котором фиксируется сокровенная двуединость процесса коммерческой глобализации, "макдональдизации" мира, и обострения этнического экстремизма, терроризма, становящихся нормой спорадических вспышек асоциального поведения в молодежной среде. Еще в 1995 г. вышла книга американского профессора Бенджамена Барбера под

знаменательным названием: "Джихад против **McWorld,a**: как глобализм и трайбализм преображают мир" [22]. В ней на множестве примеров наглядно демонстрируется двуединость Януса современного глобализма: один лик которого – безжалостная победоносность наперекор всему обустройстваемой империи **"McWorld,a**, железного воинства доллара, голливудских фильмов, рок-музыки, Интернета, гамбургеров и вездесущего английского языка; с другой – темная бездна слепого протеста отстаивающих право на жизнь наций, племен, языков. Механизм формирования данного явления следующим образом объясняет Кшиштофек: "Вовсе не очевидно, что чем больше глобализации – тем больше глобальной культуры ... Навязываемая глобализация питает национализм и этноцентризм, что парадоксальным образом совпадает с ослаблением нации-государства и эрозией тождества культур. Когда элементы тождества разрушены, когда социальная структура раздроблена на части, когда система адаптации и инфраструктура социокультурных отношений деградировали, тогда все более значимыми делаются знаки-ценности (sign-values), символы и иные средства, предохраняющие людей от магмы глобализма; все то, что люди хотят иметь только для себя и не желают делить ни с кем. Важно осознать широту амплитуды: глобализация – партикуляризации (particularization)" [28, с.149].

Направляемая рынком деконструкция культур, равно как и гибельная альтернатива такой "открытой многокультурности" – "воинствующая многокультурность *джихада* как реакция на "макдональдизацию" [28, с.149], все это – указание на рост антиномичности современной культуры.

Если, следуя за М.Г.Чистяковой [20], выделить в бытовании российской культуры наших дней четыре страты: культуру высокую, "культовую", массовую и популярную, то нетрудно заметить, что, говоря современным языком, "контрольный пакет акций" в разных пропорциях принадлежит трем последним номинациям, потенциал финансово-технологической экспансии которых напрямую зависит от степени их включенности во всемирный оборот культурной продукции. И это касается любой страны, не придерживающейся политики культурного изоляционизма. Жесткая реальность "единого глобального мира" обрекает национальные культуры на лавирование между Сциллой ассимиляции универсалистских мировоззренческих стандартов и Харибдой "культурного сопротивления", деформирующегося в орбите культуры потребления. Вот как пишет об этом американский социолог Иммануэль Валлерстайн, основатель школы миросистемного анализа, пользующийся репутацией прижизненного классика: "Кооптация культурного сопротивления в систему осуществляется ..., чтобы лишить культурное сопротивление его *raison d'etre*, способности быть культурным сопротивлением... Власть имущие стремятся превратить культурное сопротивление в предмет потребления, тем самым лишая культурное сопротивление его подлинной природы. Они создают высокий рыночный спрос на формы авангардной (и) или экзотической культурной продукции,...высокотехнологичные рыночные сети по распространению продукции прежде всего ремесленного характера...предоставляют публичное пространство...нестандартным лингвистическим, религиозным, даже правовым формам" [5, с.143]. Инверсия культурного сопротивления в культурное потребление в первую очередь радикально видоизменяет модель аккультурации молодежи, со времени субкультурного взрыва 60-х гг. XX в. ставшую главным носителем (и адресатом) ценностно-нормативной ломки культуры, равно как и ее технологической модернизации.

Каков сокровенный смысл превращения молодежи в нормосозидающий фактор современного цивилизационного процесса? Разрыв в череде поколений (*generation gap*), на культурологическую валентность которого впервые указала Маргарет Мид, спровоцирован кризисом авторитета и принципа власти (государственной, родительской), эрозией норм и правил, которыми отмечен совершающийся на наших глазах закат Культуры Логоса. Бесконтрольно разрастается "горизонтальное измерение" культуры за счет все большего блокирования ее "вертикального" измерения. В результате

инновационный характер культуры, лишенной сдерживающего начала, галопирует. Во главе – лидер культурного потребления – молодежь, продвижение вкусов и прихотей которой в фарватере моды умело организуется индустрией развлечений, причем потребление той или иной стандартизированной продукции маскируется иллюзией мнимого выбора. Казимеж Кшиштофек не без иронии в связи с этим заметил, что практикуемый массовой культурой "контроль через свободу прекрасно выражается формулой: "Будь собой – покупай пепси" [28, с.152].

К печальным парадоксам нашей больной культуры относится то, что ее скудеющий творческий ресурс, не поглощенный интеллектуальным потребительством, почти полностью уходит в виртуальный мир, растрачиваясь на конструирование компьютерных двойников реальности, экспериментирование с киберпространством, модельными мирами и прочее. И в наркотической "телекультуре", и в ширящейся эпидемии виртуального креатива человек избавляет себя от труда самоизменения, поневоле транслируя в порождаемых им артефактах культуры недолжное состояние собственного бытия. По-прежнему открытым остается вопрос: насколько плодотворна для человека и социума переживаемая нами глобальная трансформация культуры, суть которой, как проницательно отметил Лестер Туроу, состоит в замещении "культуры инвестиций под знаком "мы" культурой потребления под знаком "Я" [18, с.343].

#### Список использованной литературы

1. *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. – М.: Междунар. отношения, 1997.
2. *Бестужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация. – М.: Владос, 1998.
3. *Борисов А.А.* Американский мультикультурализм. Опыт определения // Актуальные проблемы философии, социологии и политики, экономики и психологии. Материалы науч. конф. – Пермь, 2000. – С.18-20.
4. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Капитал XXI века. К теории корпоративного капитала постиндустриальной эпохи. // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С.136 – 156.
5. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001.
6. *Кьеца Дж.* Глобализм и средства массовой информации // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С.251 – 259.
7. *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. – М.; СПб., – 1998.
8. *Некlessа А.И.* Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – 2000. – №1. – С.95 – 179.
9. *Некlessа А.И.* Квази-Север и Глубокий Юг. Глобализация и сетевая культура. – М., 2002.
10. *Некlessа А.И.* Трансграничье, его ландшафты и обитатели. – М., 2002.
11. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М., 2000.
12. Парадоксы глобализации – вызовы и поиски ответа. Материалы постоянно действующего семинара Клуба ученых "Глобальный мир". – М.: – Новый век, 2001. – Вып.7.
13. *Парамонов Б.* След: Философия. История. Современность. – М.: Независимая газета, 2001.
14. *Парфенов А.И.* Мифологический аспект современных концепций глобализма // Восток – Запад: проблемы взаимодействия и трансляция культур: Сб. науч. тр. – Саратов, 2001. – С.243 – 249.
15. *Сапунов Б.М.* Культурология телевидения. – М., 2001.

16. *Сорос Дж.* 46 тезисов о глобализации // [http://www ARCHPELAG.Ru](http://www.ARCHPELAG.Ru).
17. Социум XXI века: Рынок, фирма, человек в информационном обществе. – М.: Теис, 1998.
18. *Туроу Л.* Будущее капитализма. – Новосибирск, 1999.
19. *Хомски Н.* О глобализации // [http://www ARCHPELAG.Ru](http://www.ARCHPELAG.Ru).
20. *Чистякова М.Г.* Демаркация современного культурного пространства // Литература и общество: Взгляд из XXI века. Материалы Всероссийского науч.-метод. семинара. – Тюмень, 2002. – С.14 – 16.
21. Этос глобализации. – М.: Вост. Лит., 1999.
22. *Barber B.D.* Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism Are Reshaping the World. – N.Y., 1995.
23. *Camilleri I., Malhotra K., Tehranian M.* Reimagining Future. Towards Democratic Governance. A Reform of Global Governance. – Melbourne, 2001.
24. *Friedman T.* The Lexus and the Olive Tree. – N.Y.: Farrar, Strauss and Girous, 1999.
25. *Hamelink G.* New Information and Communicating Technology, Social Development and Cultural Change. – Geneva: UNRISD, 1997.
26. *Kozłowski P.* Postmoderne Kultur. – Munchen, 1987.
27. *Kroker A., Cook D.* The Postmodern Scene: Excremental Culture and Hyperaesthetics. – London: Macmilan, 1980.
28. *Krzysztofek K.* Cultural Development and Globalization: How to Protect Cultures as Life Support Systems? // Culturelink. – 2000. – Special Issue. – P.147–155.
29. *Ramonet I.* A New Totalitarianism // Foreign Policy, 1997. – Summer.
30. *Ritzer G.* The Macdonaldization of Society. – Thousand Oaks, Calif., 2000.